

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ И ЗЕМЛЯ ДОНСКАЯ

● — К 150-летию со дня гибели поэта

«Пистолетный выстрел, убивший Пушкина, разбудил душу Лермонтова», — писал Александр Герцен. Никому не ведомый дотоле молодой поэт — 22-летний офицер лейб-гвардии гусарского полка Михаил Юрьевич Лермонтов произнес над гробом Пушкина свой гневный приговор коронованной своре убийц. Стихотворение Лермонтова «Смерть поэта» воспринималось как «воззвание к революции». Оно с необыкновенной быстротой распространилось в рукописных списках по всей стране.

Так Россия, потеряв одного своего гениального сына, узнала о другом, достойно принявшем из рук павшего обретенную им эстафету.

Кратким, но необычайно ярким был путь Лермонтова. Тонкий лирик, поэт-мыслитель, замечательный драматург, создатель удивительной прозы, он обогатил русское искусство непревзойденными шедеврами.

Его поэзия носила четко выраженный политический характер. Еще пятнадцатилетним поэт смело обличал «дикий край», где «стонет человек от рабства и цепей!.. Друг! — признавался автор, — этот край... моя Отчизна!»

Любовь к народу была органическим чувством Лермонтова, и именно она направляла его на путь неукротимого мятежа против дикой тирании голубых мундиров в страже рабов и господ. Поэт клеймил угнетателей народа, томившегося в крепостной неволе, и предупреждал: «Есть суд земной и для царей». Лермонтов пророчески предсказывал: «Настанет год... когда царей корона упадет»...

* * *

Каждый раз, когда перечитываешь с детства полюбившиеся стихи и поэмы Лермонтова или его благоуханную прозу, снова и снова удивляешься, как мог такой молодой, почти юный поэт написать столь зрелые, необычайно глубокие по мысли и чувству произведения, мастерству которых позавидовали бы (и завидовали-таки!) многие маститые писатели. Откуда у него столько жизненных впечатлений, такое глубокое понимание исторической сущности современной ему действительности?! Таково, должно быть, свойство истинного гения...

...Мы не можем назвать его нашим земляком. Нет, он родился не на Дону. И не здесь протекали годы его детства и юности, не здесь так рано он повзрослел. Но что из того?!

Великий Лермонтов любим повсеместно. И на Дону не меньше, чем в Москве и Ленинграде, Тарханах и на Кавказе, — всюду, где он побывал или никогда не был.

Но к нашей любви примешивается и чувство законной гордости от сознания, что по донской земле ступала нога любимого поэта, что он бывал в наших краях, — пусть недолго, пусть проездом, — но бывал и бывал не однажды.

...Одноэтажное довольно просторное деревянное здание, расположенное на перекрестке Атаманской (ныне Советская) и Горбатой (ныне Свердлова) улиц в Новочеркасске — дорогая для нас реликвия, мемориальный памятник, связанный с именами замечательнейших сынов нашего народа, в том числе и М. Ю. Лермонтова. В прошлом веке в нем помещалась почтово-ямщицкая станция, на которой останавливались путники, ехавшие на перекладных. Здесь они меняли лошадей, отдыхали, подкреплялись едой, а затем вновь отправлялись в дорогу.

Это было в 1840 году. В феврале на дуэли с высокомерным сыном французского посланника Эрнестом де Барантом Лермонтов отстаивал оскорбленную честь русского офицера. Но дуэли были запрещены. И подобного случая только и ждали «жадной толпой, стоящие у трона» во главе с восседавшим на нем самодержцем, чтобы расправиться с мятежным поэтом, автором «непозволительных» стихотворений, не раз дерзко бросавшим «им в глаза железный стих, облитый горечью и злостью». После дуэли Лермонтов был арестован, а затем по «высочайшему повелению» Николая I выслан на Кавказ, бывший в ту пору ареной военных действий. Это была жестокая форма политической ссылки, которой за свои двадцать пять лет поэт подвергался во второй раз.

Из Петербурга он уезжал с тяжелым чувством. Оно не покидало его в пути до самой Москвы. Только здесь он несколько развеялся, отвлекся от мрачных дум. В Москве он пробыл с 8 мая и почти до конца месяца. За это время было много теплых встреч с поэтами и писателями, завязывались новые знакомства. Лермонтов побывал на именинном обеде у Н. В. Гоголя, читал ему и другим литераторам свою новую поэму «Мцыри».

Накануне отъезда Лермонтова из древней русской столицы писательская чета — Николай и Каролина Павловы — устроили прощальный вечер. Как вспоминал публицист Ю. Ф. Самарин, Лермонтов «уехал грустный. Ночь была сырая. Мы простились на крыльце».

Большой московский почтовый тракт, ведущий на Кавказ, пересекал обширные просторы земли донского казачества с севера на юг. Он шел через станицу Казанскую на Верхнем Дону, станицу Каменскую на Северском Донце и город Черкасск (Новочеркасск) — административный центр Донского казачьего войска, расположенный на холме Бирючий Кут, близ нижнего течения Дона.

...Почтовая тройка мчалась по широкому тракту, увозя поэта-изгнанника «с милого севера в сторону южную». Все больше полосатых верстовых столбов оставалось позади. Но и впереди их было не счесть. Казалось, что они, словно недвижимые стражи, расставленные вдоль всего пути, зорко следят за тем, чтобы тройка с опальным поэтом не свернула в сторону.

Кругом было пустынно. Лишь попадавшиеся кое-где невысокие степные курганы слегка разнообразили пейзаж.

Колокольчики нарушали девственную тишину степи своим неумолчным переливчато-веселым звоном. Но невесело было на душе поэта. Мрачные мысли томили сердце. Однообразие и безлюдность необозримой степи только усугубляли дурное настроение.

Быстро бежали по небу одинокие клочковатые облака. Глядя на них, поэт кевольно вспоминал свои же стихи, написанные совсем недавно, в день отъезда из Петербурга. Это был удачный экспромт:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.
Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?..

Долгий, многодневный путь на перекладных от берегов Невы утомил поэта. И он был рад воспользоваться любым удобным случаем, чтобы задержаться в дороге, прервать поездку. Ведь ехал-то он не по собственной охоте, а гонимый злой волей венценосного тирана.

(Продолжение следует).

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ И ЗЕМЛЯ ДОНСКАЯ

— К 150-летию со дня гибели поэта

(Продолжение. Начало в газете за 29 июля с. г.)

Лермонтов решил сделать остановку в Новочеркасске, куда прибыл в первых числах июня, погостить у своего гезки генерала Хомутова.

Вот уж год, как здесь жил генерал Михаил Григорьевич Хомутов, назначенный начальником штаба Войска Донского. Скажем кстати, что позже, спустя десятилетие, Хомутов стал войсковым наказным атаманом, первым донским атаманом неказачьего происхождения.

М. Г. Хомутов доводился двоюродным братом известному поэту-слепцу Ивану Ивановичу Козлову. С Михаилом Григорьевичем Лермонтов был хорошо знаком еще с тех пор, когда служил под его началом в лейб-гвардии гусарском полку. Поэт часто посещал своего командира полка, был дружен с ним и его сестрой, Анной Григорьевной, несмотря на большую разницу возрастов. Их сближал интерес к литературе. Сестре генерала Лермонтов посвятил стихотворение «Слепец, страданьем вдохновенный...» Известен и такой любопытный бытовой факт: в 1826 году Лермонтов приобрел у Хомутова лошадь, о чем сообщал своей бабушке Елизавете Алексеевне Арсеньевой: «Я на днях купил лошадь у генерала и прошу вас, если есть деньги, прислать мне 1580 рублей; лошадь славная и стоит больше — а цена эта не велика».

Бойкая тройка подкатила к одноэтажному, с большим подворьем зданию почтовой станции, расположенному неподалеку от центральной площади города, на которой возвышался тогда деревянный войсковой собор. Разузнав, где живет генерал Хомутов, Лермонтов направился к нему с визитом. Нежданного гостя генерал встретил по-дружески приветливо, с искренним радушием.

У Хомутова Лермонтов прожил три дня. Разговоров было много. Генерал расспрашивал его о столичных новостях, об общих знакомых, о нем самом. Говорили и о литературе, Лермонтов читал свои новые вещи.

Со своей стороны поэт живо интересовался жизнью и бытом казачьего населения Новочеркаска, ознакомился с городом, совсем небольшим и очень медленно застраивавшимся в первые три с половиной десятилетия своего существования, бродил по его широким, но немощеным и пыльным улицам.

В Новочеркасске Лермонтов встретился с еще одним однополчанином, с которым служил в той же лейб-гвардии гусарском полку, — Александром Гавриловичем Реми. Незадолго до приезда сюда Лермонтова Реми, уже в чине подполковника, был назначен к начальнику штаба генералу Хомутову. О дружеских связях Лермонтова и Александра Реми говорит такой факт: поэт подарил ему свой портсигар.

Вечерами Лермонтов ежедневно посещал городской театр. Здание Новочеркасского театра тех лет не сохранилось. Известно лишь, что это было относительно небольшое деревянное, балаганного типа строение, находившееся на Атаманской (Советской) улице между Платовским (ныне Подтелковский) проспектом и Александровской улицей (ныне Декабристов).

В то время в Новочеркасске постоянной театральной труппы не было. В городе гастролировала передвижная труппа Д. Д. Жураховского — украинского актера и антрепренера. Однако труппа его была весьма слабой. Спектакли театра Жураховского — какие именно, сейчас сказать трудно, — и смотрел на протяжении трех дней Лермонтов. А неделю спустя в письме, адресованном уже из Ставрополя в Москву А. А. Лопухину, одному из самых близких друзей, поэт делился своими театральными впечатлениями. В этом письме Лермонтов дал остро сатирическое описание убогого театрального быта и диких нравов Новочеркаска тех времен — кусочка «немытой России».

«Дорогой, — писал поэт, — я заезжал в Черкасск к генералу Хомутову и прожил у него три дня, и каждый день был в театре. Что за феатр! Об этом стоит рассказать: смотришь на сцену — и ничего не видишь, ибо перед носом стоят сальные свечи, от которых глаза лопаются; смотришь назад — ничего не видишь, потому что темно; смотришь направо — ничего не видишь, потому что ничего нет; смотришь налево — и видишь в ложе полицмейстера; оркестр составлен из четырех кларнетов, двух контрабасов и одной скрипки, на которой пилит сам капельмейстер, и этот капельмейстер примечателен тем, что глух, и когда надо начать или кончать, то первый кларнет дергает его за фалды, а контрабас бьет такт смычком по его плечу. Раз, по личной ненависти, он его так хватил смычком, что тот обернулся и хотел пустить в него скрипкой, но в эту минуту кларнет дернул его за фалды, и капельмейстер упал навзничь, головой прямо в барабан и проломил кожу; но в азарте вскочил и хотел продолжать бой и что же! о ужас! на голове его вместо кивера торчит барабан. Публика была в восторге, занавес опустили, а оркестр отправили на съезжую. В продолжение этой потехи я все ждал, что будет? — Так-то, мой милый, Алеша!»

Нарисованная Лермонтовым в письме картина дает довольно яркое и полное представление об исключительно жалком состоянии провинциальных театров николаевской России, и в частности театра Новочеркаска. Факты эти вызывали смех, но и наводили на грустные размышления.

Но как ни хорошо в гостях, как ни любезен и по-отечески заботлив хозяин дома, а ехать надо! Поручик Михаил Лермонтов не распорядился собой. Его судьбой повелевали другие. В кармане его мундира лежали подорожная и приказ о переводе из Особого гвардейского корпуса в Тенгинский пехотный полк, входивший в состав действующей Кавказской армии. Но кому не ясно, что это была ссылка, самая настоящая ссылка, хотя это слово и не упоминалось ни в одном документе!

Простились с Михаилом Григорьевичем дружески, тепло. Уезжать не хотелось, и было грустно.

Через два часа после выезда из Новочеркаска почтовая тройка докатила до станицы Аксайской. Здесь предстояло переправиться через Дон и, простившись с исторической рекой, двигаться по дамбе, проложенной на залитой водой левой луговой стороне реки, вплоть до станицы Ольгинской. А там — все дальше и дальше на юг, к Ставрополю...

Наверное, небезынтересен и такой факт. Судьба свела Лермонтова с еще одним донским войсковым атаманом. Правда, когда их встречи имели место, Павел Христофорович Граббе был не атаманом, а командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории, и Лермонтову довелось воевать под непосредственным его командованием.

Вет. Росстол (Продолжение следует) 30. 2. 91

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ И ЗЕМЛЯ ДОНСКАЯ

● — К 150-летию со дня гибели поэта

«Пистолетный выстрел, убивший Пушкина, разбудил душу Лермонтова», — писал Александр Герцен. Никому не ведомый дотоле молодой поэт — 22-летний офицер лейб-гвардии гусарского полка Михаил Юрьевич Лермонтов произнес над гробом Пушкина свой гневный приговор коронованной своре убийц. Стихотворение Лермонтова «Смерть поэта» воспринималось как «воззвание к революции». Оно с необыкновенной быстротой распространилось в рукописных списках по всей стране.

Так Россия, потеряв одного своего гениального сына, узнала о другом, достойно принявшем из рук павшего обретенную им эстафету.

Кратким, но необычайно ярким был путь Лермонтова. Тонкий лирик, поэт-мыслитель, замечательный драматург, создатель удивительной прозы, он обогатил русское искусство непревзойденными шедеврами.

Его поэзия носила четко выраженный политический характер. Еще пятнадцатилетним поэт смело обличал «дикий край», где «стоит человек от рабства и цепей!.. Друг! — признавался автор, — этот край... моя Отчизна!»

Любовь к народу была органическим чувством Лермонтова, и именно она направляла его на путь неукротимого мятежа против дикой тирании голубых мундиров в страже рабов и господ. Поэт клеймил угнетателей народа, томившегося в крепостной неволе, и предупреждал: «Есть суд земной и для царей». Лермонтов пророчески предсказывал: «Настанет год... когда царей корона упадет»...

Каждый раз, когда перечитываешь с детства полюбившиеся стихи и поэмы Лермонтова или его благоуханную прозу, снова и снова удивляешься, как мог такой молодой, почти юный поэт написать столь зрелые, необычайно глубокие по мысли и чувству произведения, мастерству которых позавидовали бы (и завидовали-таки!) многие маститые писатели. Откуда у него столько жизненных впечатлений, такое глубокое понимание исторической сущности современной ему действительности?! Таково, должно быть, свойство истинного гения...

...Мы не можем назвать его нашим земляком. Нет, он родился не на Дону. И не здесь протекали годы его детства и юности, не здесь так рано он повзрослел. Но что из того?!

Великий Лермонтов любим повсеместно. И на Дону не меньше, чем в Москве и Ленинграде, Тарханах и на Кавказе, — всюду, где он побывал или никогда не был.

Но к нашей любви примешивается и чувство законной гордости от сознания, что по донской земле ступала нога любимого поэта, что он бывал в наших краях, — пусть не долго, пусть проездом, — но бывал и бывал не однажды.

...Одноэтажное довольно просторное деревянное здание, расположенное на перекрестке Атаманской (ныне Советская) и Горбатой (ныне Свердлова) улиц в Новочеркасске — дорогая для нас реликвия, мемориальный памятник, связанный с именами замечательнейших сынов нашего народа, в том числе и М. Ю. Лермонтова. В прошлом веке в нем помещалась почтово-ямщицкая станция, на которой останавливались путники, ехавшие на перекладных. Здесь они меняли лошадей, отдыхали, подкреплялись едой, а затем вновь отправлялись в дорогу.

Это было в 1840 году. В феврале на дуэли с высокомерным сыном французского посланника Эрнестом де Барантом Лермонтов отстаивал оскорбленную честь русского офицера. Но дуэли были запрещены. И подобного случая только и ждали «жадной толпой, стоящие у трона» во главе с восседавшим на нем самодержцем, чтобы расправиться с мятежным поэтом, автором «непозволительных» стихотворений, не раз дерзко бросавшим «им в глаза железный стих, облитый горечью и злостью». После дуэли Лермонтов был арестован, а затем по «высочайшему повелению» Николая I выслан на Кавказ, бывший в ту пору ареной военных действий. Это была жестокая форма политической ссылки, которой за свои двадцать пять лет поэт подвергался во второй раз.

Из Петербурга он уезжал с тяжелым чувством. Оно не покидало его в пути до самой Москвы. Только здесь он несколько развеялся, отвлекся от мрачных дум. В Москве он пробыл с 8 мая и почти до конца месяца. За это время было много теплых встреч с поэтами и писателями, завязывались новые знакомства. Лермонтов побывал на именинном обеде у Н. В. Гоголя, читал ему и другим литераторам свою новую поэму «Мцыри».

Накануне отъезда Лермонтова из древней русской столицы писательская чета — Николай и Каролина Павловы — устроили прощальный вечер. Как вспоминал публицист Ю. Ф. Самарин, Лермонтов «уехал грустный. Ночь была сырая. Мы простились на крыльце».

Большой московский почтовый тракт, ведущий на Кавказ, пересекал обширные просторы земли донского казачества с севера на юг. Он шел через станицу Казанскую на Верхнем Дону, станицу Каменскую на Северском Донце и город Черкасск (Новочеркасск) — административный центр Донского казачьего войска, расположенный на холме Бирючий Кут, близ нижнего течения Дона.

...Почтовая тройка мчалась по широкому тракту, увозя поэта-изгнанника «с милого севера в сторону южную». Все больше полосатых верстовых столбов оставалось позади. Но и впереди их было не счесть. Казалось, что они, словно недвижимые стражи, расставленные вдоль всего пути, зорко следят за тем, чтобы тройка с опальным поэтом не свернула в сторону.

Кругом было пустынно. Лишь попадавшиеся кое-где невысокие степные курганы слегка разнообразили пейзаж.

Колокольчики нарушали девственную тишину степи своим неумолчным переливчато-веселым звоном. Но невесело было из душе поэта. Мрачные мысли томили сердце. Однообразие и безлюдность необозримой степи только усугубляли дурное настроение.

Быстро бежали по небу одинокие клочковатые облака. Глядя на них, поэт невольно вспоминал свои же стихи, написанные совсем недавно, в день отъезда из Петербурга. Это был удачный экспромт:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.
Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?..

Долгий, многодневный путь на перекладных от берегов Невы утомил поэта. И он был рад воспользоваться любым удобным случаем, чтобы задержаться в дороге, прервать поездку. Ведь ехал-то он не по собственной охоте, а гонимый злой волей венценосного тирана.

(Продолжение следует).

Веч. Роща
31.7.1991

Аркадий АЙРУМЯН

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ

И ЗЕМЛЯ ДОНСКАЯ

К 150-летию со дня гибели поэта

(Продолжение. Начало в газете за 29, 30 июля с. г.).

В молодости П. Х. Граббе был членом тайного Союза благоденствия, подвергался арестам. Генерал-адъютант П. Х. Граббе высоко ценил Лермонтова как боевого офицера и представлял его к наградам за храбрость. Наказным атаманом Войска Донского П. Х. Граббе назначили в 1862 году, после смерти М. Г. Хомутова.

* * *

Это посещение Лермонтовым Дона в июне 1840 года не было ни первым, ни последним. Ему предшествовали две поездки через всю обширную территорию земли войска Донского в апреле и декабре 1837 года — сначала с севера на юг, затем с юга на север.

А еще до того он шестикратно совершил путешествия по этому же маршруту — туда и обратно. Так что дорога эта была хорошо ему знакома с детства. Впервые он проезжал здесь, когда ему было лишь четыре года. Бабушка Елизавета Алексеевна Арсеньева везла тогда больного внука для лечения на Кавказские Горячие Воды.

Спустя два года поездка была повторена. И опять, как и в первый раз, их сопровождал обязательный по тем временам эскорт — либо отряд вооруженных казаков, либо полурота солдат с заряженной пушкой: путешествие было небезопасным.

В 1825 году снова довелось ему совершить подобное же путешествие вместе с бабушкой. Тогда он был уже совсем взрослым: ему шел одиннадцатый год.

Естественно, поездки эти оставили в пылком воображении мальчика глубокий след. И когда через несколько лет началась творческая деятельность юного поэта, то впечатления от этих путешествий легли в основу многих его ранних — и не только ранних — стихов и поэм. Прежде всего это — пейзажные зарисовки. Вот, например, одна из наиболее ранних:

Два сокола.
 Степь синяя расстилалась
 Близ Азовских берегов;
 Запад гас, и ночь спускалась;
 Вихрь скользил между холмов.
 И, тряхнувшись, в поле диком
 Серый сокол тихо сел;
 И к нему с ответным криком
 Брат стрелою прилетел...

По-видимому, неоглядная бескрайность и унылая монотонность степи оказали столь гнетущее впечатление и так сильно поразили воображение юного Лермонтова, что и в последующие годы образ степи являлся для него как бы символом грусти, печали и тоски.

Печален степи вид, где без препон,
 Волнуя лишь серебряный ковыль,
 Скитается летучий аквилон
 И пред собой свободу гонит пыль...

И пред собой свободу гонит пыль...

Образ степи в произведениях Лермонтова повторяется многократно. Подсчитано, что само слово «степь» в его стихах употреблено около ста раз. Причем характерно, что только дважды «степь» дана с эпитетами «голубая» и «лазурная», но гораздо чаще поэт характеризовал ее эпитетами иной эмоциональной окраски: «глухая», «пустая» или «палящая», а то и безмолвная, хранящая «холодное молчание».

Лермонтов широко использовал «донскую» атрибутику. В его стихах и поэмах фигурируют «курганы», «степной ковыль», «табун степной», «ветер степи», «степной орел» и тому подобное.

Разумеется, не одна лишь природа Дона запечатлелась в творческой памяти поэта. Ведь понятия «Дон» и «казачество» неразделимы, как и «Дон», и «степь». Знакомство Лермонтова с казачеством началось так же рано, как и с природой Дона. Он знал о своих будущих персонажах — казаках не только понаслышке, по чужим рассказам, но и по личному опыту, личным наблюдениям. И хотя среди поэтов Лермонтова нет ни одной, целиком посвященной казакам, зато в доброй половине поэтов так называемого кавказского цикла мы видим в числе персонажей казаков. В качестве действующих лиц казаки фигурируют как в самых ранних, самых первых его поэмах, написанных в 1828 году («Черкесы» и «Кавказский пленник»), так и в поздних, зрелых произведениях — и поэтических, и прозаических («Измаил-Бей», «Аул Бастунджи», «Герой нашего времени»).

Лермонтов был осведомлен и о героическом боевом прошлом донского казачества, об их замечательных подвигах во славу Родины в сравнительно недавние годы Отечественной войны 1812 года. И уже в первой поэме «Черкесы» Лермонтов пишет о «сынах неустрашимых Дона, которых Рейн, Лоар и Рона видали на своих берегах».

Казак в сознании Лермонтова — это прежде всего бесстрашный воин, лихой наездник, удалец. Он окружен романтическим ореолом. Лермонтов изображал казаков на Кавказе в действии, в тревогах и терниях ратного их труда. Мы видим их несущими сторожевую службу, видим в боях, побеждающими и терпящими поражение. Он показывает их в разных ситуациях, в часто меняющейся обстановке, как это обычно бывает на войне.

Вот как Лермонтов изобразил сторожевой пост:

Одето небо черной мглою,
В тумане месяц чуть блестит;
Лишь на сухих скалах травкою
Полночный ветер шевелит.
На холмах маяки блистают;
Там стражи русские стоят;
Их копья острые блестят;
Друг друга громко окликают;
«Не спи, казак, во тьме ночной;
Чеченцы ходят за рекой!»

(Окончание следует).

МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ И ЗЕМЛЯ ДОНСКАЯ

— К 150-летию со дня гибели поэта

Окончание. Начало в газете за 29—31 июля.

Нередко поэту достаточно одной-двух строк, чтобы показать лихого «казака, несущегося прямо к бою». Однако лихости нередко сопутствует беспечность. И тогда —

Беда беспечным казакам!
Не зреть уж им родного Дона,
Не слышать колоколов звона!

А вот иная картина из боевой жизни казаков:

Меж тем с беспечною отвагой
Отряд могучих казаков
Гнался за малою ватагой
Неустрасимых удалцов;
Всю эту ночь они блуждали
Вкруг неприязненных шатров;
Их часовые увидали,
И пушка грянула по ним,
И казаки спешат навстречу!

Можно было бы привести еще и еще строки из лермонтовских поэм, рисующие мелкие стычки и кровопролитные битвы между отважными казаками и не менее мужественными их противниками, но ограничимся этими немногими цитатами. Наверно, достаточно сказать, что слово «казак» как подсчитали исследователи, Лермонтов употребил в своих произведениях сто двадцать раз. А эпитеты к этому слову у него неизменно такие: «отважные», «лихие», «могучие», «закаленные в бою», «удалые» и, конечно, «донские».

Среди произведений Лермонтова, так или иначе посвященных боевым делам казаков, особое место занимает его замечательная «Казачья колыбельная песня». Поэт создал глубоко лиричный образ беззаветно любящей матери-казачки. Она нежно убаюкивает своего младенца, которому предстоит, как и его отцу, «бранное житье». Укачивая сына, мать уже видит в нем будущего богатыря, отважного воина, «казака душой». Таким она вырастит его... Неспроста «Казачья колыбельная песня» положена на музыку, и не одним, а целым десятком композиторов, среди которых такие имена, как А. Е. Варламов, Э. Ф. Направник, А. Т. Гречанинов, В. И. Ребиков, Н. Я. Мясковский, А. Б. Гольденвейзер и другие. Песня прочно вошла в народный обиход.

В творческом наследии Лермонтова есть незавершенный исторический роман «Вадим», посвященный эпизодам крестьянской войны под предводительством донского казака Емельяна Пугачева. Пугачевское движение захватило и родные Лермонтову места Пензенской губернии. И неудивительно, что он еще в детстве слышал рассказы об этом от своих родственников и крестьян, бывших очевидцами событий. Совершенно естественно, что вольнолюбивую натуру Лермонтова не могла не волновать эта тема, к реализации которой он приступил в начале тридцатых годов прошлого века. В романе действуют казаки-пугачевцы, однако самого Пугачева в нем нет. Впрочем, это не было прихотью автора, так распорядилась история.

Важно отметить, что по времени создания роман «Вадим» был первым произведением, посвященным Пугачевскому движению. Творения Пушкина «История Пугачева» и «Капитанская дочка» созданы несколько позже.

И в заключение — еще один штрих. Как и Пушкин, Лермонтов не прошел мимо донского чудо-напитка — цимлянского игристого. В поэме «Тамбовская казначейша» автор, характеризуя губернского казначея, отъявленного картежника, отмечал, что он любил «талию скверную порой запить цимлянского струей».

Что тут скажешь? Губа не дура у этого игрока.